

Слова управляющего Цая звучали вполне разумно. Господин Чжоу сказал:

— Верно! Если проверка покажет, что этот яд совпадает с тем, которым отравлен правитель префектуры, нам нечего будет сказать. Тогда поступайте с нами как пожелаете!

Ди Лэ был вне себя от злости. Проверить - будут проблемы; не проверить - недостаточно, чтобы убедить людей.

— У меня вопрос, — тихо сказал Чжоу Сяолэ. — Раз господин Ди может обыскать усадьбы этих трёх господ, значит, он ведь должен суметь найти и другие доказательства, вроде казнокрадства? Разве не лучше было бы свалить этих господ такими уликами?

То, что Чжоу Сяолэ додумался до этой стороны дела, оказалось для Сюй Гуаня неожиданным. Но, удивившись, он всё же не забыл ответить:

— Это значит, что обыск усадеб у господина Ди - ложь.

— Почему?

— У господина Ди нет приказа на обыск. Даже если дело срочное и на то есть причина, после такого ему всё равно не избежать наказания. Куда проще обмануть их словами. Всё равно вся резиденция правителя префектуры сейчас у него под контролем.

— Вот оно как...

Положение зашло в тупик. Ди Лэ отказывался проверять яд и намертво стоял на том, что правитель префектуры отравлен именно им. Но этот явно виноватый вид разве мог укрыться от глаз господина Чжоу? Тот холодно фыркнул:

— Что такое? Господин Ди не смеет проверить? Боюсь, этот яд вы купили у какого-нибудь мелкого торговца лишь затем, чтобы оклеветать нас?

Господин У сказал:

— Как ни крути, мы всё же чиновники, назначенные двором. Даже если сегодня вы одним ударом меча снесёте нам головы, снаружи ещё столько господ. Не поверю, что вы сможете заткнуть рты всему народу!

Ди Лэ долго молчал. Управляющий Цай с сомнением спросил:

— Господин Ди, что случилось?

Ди Лэ про себя подумал: и у тебя ещё хватает наглости спрашивать, что случилось? Разве вся эта дрянь не из-за тебя стала такой запутанной?

Тем временем супруга префекта, ничего не зная о подоплёке, продолжала играть прежнюю роль:

— Господин Ди, так проверьте при них! Распахните двери, пусть все ясно увидят истинное лицо этих злодеев!

Ди Лэ загнали в угол так, что сказать было нечего. Он ещё не успел придумать выход, а управляющий Цай уже получил приказ супруги префекта и распахнул двери комнаты.

Люди снаружи не знали, что произошло внутри. Стоило дверям открыться, как все вытянули шеи и стали заглядывать внутрь; те, кто стоял в задних рядах и ничего не видел, даже забрались на стулья и столы.

Гостей на пиру было несколько десятков, актёров из труппы тоже несколько десятков, и вместе почти сотня человек обступила всё кругом. Если приглядеться, среди них даже нашёлся человек, который держал фрукт и, наблюдая, ел.

— Вот у того с одного взгляда видно: на душе ни тени вины, — со смехом сказал Чжоу Сяолэ и ещё указал Сюй Гуаню посмотреть.

Шэнь Юй сказал:

— Какое совпадение: этот зритель с фруктом и есть мой праздный родственничек...

— ...

На глазах у всех супруга префекта велела вынести самого правителя префектуры, а затем приказала управляющему Цаю поймать какое-нибудь животное, чтобы проверить яд прямо на месте.

Супруга префекта громко сказала:

— Сегодня мой супруг устроил в резиденции пир и пригласил господ-сослуживцев выпить вина и побеседовать, но никто не ожидал, что злодеи воспользуются случаем и подсыпят яд в блюда. Теперь жизнь моего супруга висит на волоске, и нам оставалось лишь просить господина Ди вмешаться. После расследования господина Ди выяснилось, что господин Чжоу, господин У и господин Юань все находятся под подозрением в отравлении. А это - яд, найденный у них!

Госпожа подняла руку, показывая яд всем собравшимся, и продолжила:

— Но трое господ решительно всё отрицают и утверждают, что этот яд вовсе не тот, которым отравлен мой супруг, а генерал Ди намеренно их подставляет. Обе стороны стоят на своём. Поэтому сейчас, при всех вас, мы проверим: тот ли это яд или нет!

— Отравили? Так блюда, которые я только что ел, тоже с ядом?

— Не волнуйся. Будь там яд, ты уже лежал бы рядом с правителем префектуры.

— Кстати, если сам правитель узнает, что сейчас у него всё тело посинело, изо рта идёт пена, глаза закатились, а пальцы скрючились как куриные лапы, он снова в обморок не упадёт?

Господин-зритель, жуящий фрукт, захлопал в ладони:

— Хорошо, хорошо! Проверяйте, проверяйте!

Шэнь Юй, закрыв лицо рукой, отступил за спины людей и сказал Цао-лаобань:

— Знал бы раньше, не полез бы в эту мутную воду...

Цао-лаобань сказала:

— Ты и Лэ-гэра с Сюй Гуанем знатно втянул...

Сюй Гуань оглянулся на них. Шэнь Юй горько улыбнулся и беззвучно сказал:

— Вернёмся - хорошенько вам возьмешу.

Управляющий Цай сходил на заднюю кухню и принёс оттуда маленького кролика с уже снятой шерстью: тот был розовый, нежный, и если дать ему яд, сразу будет видно, посинеет ли тело. Лапки проверить уже не выйдет, зато остальные признаки проявятся отчётливо.

Три склянки с ядом. Управляющий Цай наугад взял одну, вытащил пробку, и, глядя на это, уже собирался влить яд кролику в рот.

— Постой! — Ди Лэ ещё не успел уточнить у Цао-лаобань, что именно за яд принял правитель префектуры, и потому мог только выйти вперёд, чтобы выиграть время.

Стоило ему крикнуть, как все замерли и разом посмотрели на него. Господин Чжоу

насмешливо сказал:

— Что такое? Господин Ди, у вора совесть нечиста?

Господин У добавил:

— По-моему, он просто хочет потянуть время!

— Какое ещё потянуть время! — Ди Лэ, сжав рукоять меча, шагнул вперёд. Взгляд у него стал жестоким, и несколько господ перепуганно отступили один за другим, закричав:

— Ди Лэ! Попробуй только поднять руку на глазах у стольких людей!

— Ты... — Ди Лэ не успел договорить: краем глаза он уже увидел, что за этот миг управляющий Цай, хоть и был стар, руками и ногами оказался очень ловок - перевернул склянку и влил кролику в рот весь яд до капли.

А потом отпустил руку.

Ди Лэ выхватил меч и приставил клинок к шее управляющего Цая. Стиснув зубы, он сказал:

— Я ведь велел тебе подождать. Управляющий Цай, вы старый, но не настолько же, чтобы ещё и оглохнуть?

Управляющий Цай ничуть не испугался приставленного к шее клинка. Он опустил глаза, глядя, как кролик бьётся в судорогах, и сказал:

— Господин Ди, разве плохо поскорее выяснить правду?

Возразить на это было нечего. Поскорее выяснить правду, конечно, хорошо, но лишь тогда, когда всё выясняется по плану. А теперь Ди Лэ хотел только тянуть время сколько удастся, столько и тянуть, а дальше уже действовать по обстоятельствам. Но управляющий Цай одним этим движением разрушил весь замысел. Не ровен час, их ещё укусят в ответ, и тогда в тюрьму отправятся и правитель префектуры, устроивший весь этот спектакль, и сам Ди Лэ.

Тюрьмы он не боялся. Он боялся лишь, что эти казнокрады и нарушители закона так и не попадут под справедливое наказание.

Кролика отпустили на землю. Он даже не прыгнул - сразу повалился и больше не поднялся. Все затаили дыхание, ожидая, что у него пойдёт пена изо рта или всё тело начнёт биться в судорогах, но кролик, вопреки ожиданиям, лежал неподвижно.

Увидев это, господин Чжоу безумно расхохотался и взревел:

— Господин Ди, истина уже раскрыта! Что тебе ещё сказать? Немедленно опусти оружие и сдавайся!

Ди Лэ оказался верхом на тигре - ни слезть, ни отступить. Лицо его потемнело; быстрым ударом меча он рассёк стоявший рядом стол, и тот разлетелся на куски. Этот удар перепугал всех: люди решили, что он вот-вот начнёт резню, и кто мог бежать, бросился бежать. В одно мгновение столы и стулья попадали на землю, даже стоявшие в стороне не смогли уберечься, и весь двор наполнился стонами и криками.

— Подождите! Подождите! Смотрите на кролика!

Среди суматохи тот самый господин-зритель, успевший взобраться на дерево, обнял ветку и, показывая на кролика на земле, громко закричал. Услышав этот крик, люди один за другим остановились и посмотрели на кролика. И увидели: кролик, принявший яд, вдруг поднялся с места, покрутился на месте два круга, потом его тело застыло, и он снова завалился набок. Вскоре его начало корчить; тело медленно посинело. Следом изо рта пошла белая пена, лапки тоже начали скрючиваться, а под конец глаза закатились, и он перестал двигаться.

Все симптомы до единого совпали с теми, что были у правителя префектуры.

— Невозможно! С этим ядом что-то не так! Это ты? Это ты всё подстроил?!

Всё повернулось не так, как ожидали присутствующие. Все уже решили, что истина раскрыта, но кто мог подумать, что кролик перед смертью ещё успеет «сверкнуть последним отблеском жизни». Господин Чжоу отказывался верить собственным глазам и был уверен лишь в одном: это Ди Лэ нарочно что-то подстроил.

— Как... как же так...

Управляющий Цай тоже вздрогнул от случившегося с кроликом и в растерянности выдавил несколько слов. Но едва он осознал, что именно сказал, все морщины на его лице разом словно застыли.

Стоявший рядом господин Юань, до сих пор ни разу не открывавший рта, вдруг пробормотал себе под нос:

— Этот яд... ведь должны были подсыпать в чанфэнь. Как он оказался в блюде «Чжэньпиньгэ»?

Стоило этим словам прозвучать, как все присутствующие были потрясены.

Не успели люди опомниться, как господин Юань схватил управляющего Цая за ворот и закричал:

— Разве тебе не велели подсыпать его в чанфэнь? Как ты вообще дела делаешь, а?!
Бесполезный хлам!

...А ещё более бесполезным был разве не он сам? Сам себя выдал без допроса.

Управляющий Цай поднял веки и хрипло усмехнулся:

— Что за слова говорит господин Юань? Без меня ты и сейчас был бы всего лишь мусором, который выполняет мелкую работу в какой-нибудь жалкой книжной лавке! Бесполезный! Сам ты самый бесполезный мусор!

Супруга префекта всё ещё не пришла в себя от потрясения. Управляющий Цай ведь был старым слугой, который следовал за ними несколько десятков лет. В этом плане правителя префектуры самое важное звено тоже было поручено именно ему. Неужели за доверие без малейшей оговорки они получили только предательство?

Госпожа невольно сделала к нему два шага и дрожащим голосом спросила:

— Почему? Ты ведь вырос вместе с моим супругом! С тех самых пор, как стал его слугой для учебы, вы шли вместе до сегодняшнего дня...□

Управляющий Цай сбросил с себя те руки, что вцепились ему в ворот, и его спина, обычно всегда согнутая, медленно выпрямилась. Он дважды поправил рукава и с непонятной усмешкой сказал:

— Слуга для учебы? Всего лишь раб. Не стоит говорить так красиво.

Глаза супруги префекта расширились от недоверия. Управляющий Цай увидел её нежелание верить и словно получил от этого удовольствие: его смех стал ещё громче.

— Мы ведь читали одни и те же книги. Мои знания ничуть не хуже его! Так почему он мог сдавать кэцзюй, а я должен был оставаться жалким слугой?

Управляющий Цай посмотрел на лежавшего правителя префектуры и с ненавистью в голосе сказал:

— Говорил, что даст мне свободу, когда уедет из столицы. А когда это было? Мне уже тридцать! Тридцать, и как мне ещё идти на экзамены... а? Смотреть, как я, посеревший и жалкий, возвращаюсь и дальше служу у вас управляющим, вам ведь было очень приятно, правда?

Правда?!

— Всё из-за него! Это он довёл меня до такого! С какой стати он ещё может получить повышение, вернуться в столицу и наслаждаться жизнью? Нельзя, нельзя! Нельзя!

К последним словам в нём будто прорезалось безумие. Он резко вырвал связанные руки, схватил стоявшую рядом ножку стола и замахнулся, собираясь обрушить её на голову правителя префектуры. Двигался он так быстро, что совсем не походил на старика в годах. Ещё миг, и удар раскроил бы правителю префектуры голову.

Но кто бы мог подумать: на полпути его рука вдруг остановилась. Дрожащими пальцами он смотрел на правителя префектуры, который открыл глаза, и в конце концов так и не опустил удар.

— ...Хватит.

Как бы ни разворачивалось это дело, теперь отравитель был ясен. Ди Лэ тут же отдал приказ об аресте: кого следовало схватить - схватили, кого следовало отпустить - отпустили. В резиденции правителя префектуры огни горели до тех пор, пока свечи не догорели, а за окнами не забрезжил рассвет; лишь тогда всё наконец подошло к концу.

«Чжэньпиньгэ» опечатали, и Чжоу Сяолэ с тремя спутниками уже не могли туда вернуться. Подумав, они решили, что лучше сразу отправиться обратно в городок Юннань.

Правитель префектуры снова и снова пытался их удержать, но Чжоу Сяолэ всё равно настоял на возвращении. Небо только-только посветлело; если выехать сейчас, как раз к вечеру можно будет добраться назад. К тому же у правителя префектуры ещё оставалось множество дел, которые нужно было уладить. Если они останутся здесь, правителю, пожалуй, ещё придётся отвлекаться и спрашивать, удобно ли им живётся.

В сердце у правителя префектуры была вина. Изначально план был устроен хорошо и не должен был втянуть посторонних, но из-за человека из его собственной резиденции несколько людей, готовивших чанфэнь, едва не заставили понести чужую вину. Раз так, он, конечно, должен был щедро их возместить. Только он и сам понимал: дальше дел будет слишком много, достойно принять гостей он не сможет. Поэтому больше не удерживал их, лишь сказал, что в будущем непременно лично их поблагодарит.

После долгих взаимных отказов и уговоров Чжоу Сяолэ с остальными всё же покинули резиденцию правителя префектуры и направились в «Чжэньпиньгэ», чтобы забрать повозку и вернуться в городок Юннань. Ди Лэ как раз должен был идти в «Чжэньпиньгэ» с обыском, так что ему было по пути с Чжоу Сяолэ и остальными.

Хотя дело уже завершилось, у Ди Лэ всё ещё оставалось немало вопросов.

— Цао Тяньцай, ты знаешь, что за яд был у правителя префектуры? Симптомы у него оказались точь-в-точь как от того яда, который ты дала мне.

— Конечно... — Цао-лаобань улыбнулась и сказала: — Ведь яд, которым отравили правителя префектуры, подсыпала я.

— Что?

Ди Лэ едва не выхватил меч, но тут же подумал: если бы Цао Тяньцай хотела навредить правителю префектуры, ей достаточно было бы просто не давать ему противоядие, незачем проделывать лишнее.

— Зачем ты подсыпала яд? Что ты заметила?

Цао-лаобань сказала:

— На самом деле заметила кое-что не я, а Лэ-гэр.

<http://bllate.org/book/17639/1791735>